

Теория зависимости от траектории развития и постсоциалистический переход

И. НИКУЛА

Мой интерес к данной теории возник в процессе работы над исследовательским проектом, который был посвящен анализу стратегий развития предприятий в России и Эстонии. Я полагаю, что сельская реформа в России воспроизвела и даже усилила советские типы институтов, и в этом смысле развитие сельских регионов «зависело от траектории развития» (в терминологии Старка и Брюжета [Stark, Bruszt 1998]). Это проявляется в организационных и управленческих практиках сельских предприятий, а также в модифицированной экономике дефицита, подразумевающей различные неденежные формы вознаграждения и единство интересов работодателей и работников.

Почему мы используем теорию зависимости от траектории развития (path—dependency theory)

Период постсоциалистического перехода был противоречивым и вызвал множество социальных проблем, таких как бедность, рост алкоголизма, безработица, наряду с такими неопровержимыми результатами как макроэкономическая стабильность, развитие институтов и успехи в области законотворчества.

В течение первых постсоветских лет (или трансформации) анализ причин этого перехода и его процессов опирался исключительно на экономические предпосылки: неэффективность экономики, монополистическая структура производства, недостаток капитала, низкая производительность, низкий уровень рабочей этики и т. д. Сходные взгляды превалировали и в политическом анализе: не хватало зрелой демократической системы с партиями, гражданским обществом, разграничением между законодательной и исполнительной властями и т. д. Все болезни должны были быть вылечены путем применения западных моделей и практик. Когда этого не произошло, возникла необходимость выяснить — почему?

Другой причиной было упрощенное понимание природы социализма, рассматриваемого сквозь призму концепций тоталитаризма, дефицита и т. д. Эти концепции не учитывали, что многие социалистические страны были индустриальными обществами с высоким уровнем образования, что в их экономиках существовали комплексы сетей.

Наконец, теории, объясняющие особенности постсоциалистического перехода, исходили (имплицитно или эксплицитно) из того, что при социализме не было рынков — ни рынка труда, ни товарного рынка, ни рынка капитала. Но все же при социализме товары производились, продавались, покупались или были средством обмена, хотя это и происходило в искаженной форме.

В первые постсоветские годы доминировала концепция так называемой шоковой терапии [*Sachs 1993, Eshund 1992, 1995*], которая подчеркивала необходимость быстрой реализации таких стратегически важных мер как либерализация, стабилизация и приватизация вместе с реконструкцией. Эти меры должны были быть осуществлены быстро, одновременно и достаточно широко. На более поздних этапах эта стратегия привела к попытке насадить демократию в странах с переходной экономикой за счет поддержки и оказания финансовой помощи различным неправительственным организациям. Правительства большинства постсоциалистических стран уделяли особое внимание правам собственности, рыночной либерализации, жесткой финансовой политике и другим макроэкономическим вопросам. Меньшее внимание уделялось роли государства, его способности действовать как нейтральная и независимая «третья сторона». Это привело к потере доверия к государственным чиновникам, закону, правительству и другим центральным органам и институтам современного государства [*Mishler, Rose 1998; Rose 1999*].

Очевидные недостатки чисто экономических и классических теорий модернизации и их неспособность к анализу противоречивых результатов транзита обусловили новые теоретические открытия в данной области. Одним из таких открытий стала теория зависимости от траектории развития, которая формировалась в рамках институциональной экономики. Эта теория отвергает упрощенческие идеи неолиберализма (и теории модернизации), которые рассматривают транзит как процесс социальной имитации и копирования. Вместо этого теория зависимости от траектории развития утверждает, что будущее не предопределено и прошлое не имеет прямого воздействия на будущее постсоциалистических стран. Теория исследует современные условия и то, как они влияют на возможные будущие решения. Согласно этой теории прошлое дает актерам в постсоциалистических странах институциональные ресурсы для настоящего. Таким образом, теоретики говорят не о транзите, а о трансформации, которая относится к реорганизации, рекомбинации, реконфигурации и т. д. Старк и Брюшт писали: «Стараясь справиться с чрезвычайной неопределенностью трансформирующейся экономики, актеры обнаруживают и преобразовывают ресурсы. Не обращая внимания на вынужденную дихотомию "рынок-иерархия", они создают новые формы собственности, которые размывают границу между государственной и частной собственностью; размывают границы между фирмами, а также границы легитимных принципов» [*Stark, Bruszt 1998*].

Как следствие, освобождение от социализма имело разные формы в различных странах. В Польше оно было компромиссом, в ГДР — колонизацией, в Румынии — чем-то вроде революции, в Чехословакии — капитуляцией, а в Болгарии — ограниченной избирательной конкуренцией. Эти траектории развития также сказывались на форме проведения приватизации государственной собственности в каждой из стран. В рамках данной теории утверждается, что для

Теория зависимости от траектории развития...

проведения успешной политики реформаторы должны избегать как ультралиберализма, так и ультрастейтизма, признавать роль институциональных сетей и сетевых предприятий, что может способствовать проведению более гибких и менее затратных (экономически и социально) реформ.

В качестве иллюстрации мы можем обратиться к теории И. Зеленьи и др., которые рассматривают постсоциалистическую трансформацию как процесс менеджизма, а также теорию Буравого и Кротова, которые рассматривают тот же процесс как усиление контроля над работниками. Теория Зеленьи базируется на концепции Старка о рекомбинантных формах собственности при постсоциализме. Под этим принимается во внимание тот факт, что результатом приватизации является не полностью новый набор отношений собственности, а комбинация старой и новой форм — сеть, основанная на рекомбинации собственности, в которой менеджеры предприятий с государственной собственностью в то же время являются собственниками новых частных компаний. Эта подвижность породила новый тип экономической системы, который Зеленьи назвал менеджизмом. Поскольку при постсоциализме не существовало ни буржуазии, ни сильного государства, единственной группой, которая могла вступить во владение собственностью, были менеджеры. А базой для их собственности являлся культурный капитал (владение навыками и знаниями, необходимыми для производства), способный конвертироваться в экономический капитал.

Совсем иначе оценивают постсоциалистическую трансформацию Буравой и Кротов. По их мнению, этот процесс укрепляет положение рабочих, а не менеджеров. Крушение контролирующих организаций (коммунистическая партия и государство) привело к торговому капитализму, расширению монополизации, несовершенству банковской системы, а процессы декоммодификации труда, денег и земли — к росту бартерных отношений. В данной ситуации власть переходит от менеджеров к рабочим, которые имеют стратегическую позицию в процессе производственной деятельности.

В некотором смысле теория Кларка о советском типе производства построена на той же аргументации: единство коллективного труда в ней является основной мотивацией для управленческих стратегий. С точки зрения Рона-Та, все эти теории основываются на признании специфичности посткоммунистических обществ, которая коренится в исходных условиях, заданных коммунизмом. Он пишет: «Коммунизм (как утверждается) оставляет неизгладимый след на новом посткоммунистическом институциональном порядке» [*Rona-Tas* 2002, с. 8]. Основное различие между теорией Кларка, с одной стороны, и Старка-Брюжта, с другой, заключается в том, что теория Кларка основана на анализе макроструктур («советского способа производства»), в то время как Старк и Брюжт исходят из анализа отдельного предприятия, а государство и социальные сети рассматриваются скорее как модифицирующие факторы. Однако, ни Старк, ни кто-либо другой из числа «институционалистов» не смогли сказать ничего конкретного о весьма важном факторе посткоммунистической трансформации — содержании или динамике неформальных институтов или их взаимоотношении с предприятиями и формальными институтами.

Вопрос об институтах

Как я уже отмечал, основным в теории зависимости от траектории развития является вопрос об институтах, т.е. о создании нового институционального порядка, противоречиях между новыми и старыми институтами и развитии гибридных форм институтов. Для экономистов институты задают «правила игры», к которым должны приспосабливаться рациональные акторы. Для большинства социологов понятие института подразумевает ценности и когнитивные структуры.

Как отмечает М. Райзер, суть трансформации — в перестройке институциональной структуры постсоциалистических стран, а соответствующая теория (трансформации) суть теория институциональных изменений. Институты, в его интерпретации, являются человеческими системами, которые ограничивают или управляют политическим или социальными взаимодействием. Неформальные институты состоят из социальных норм, нравов, обычаев и моральных ценностей, которые накладывают ограничения на деятельность индивидуумов и организаций, направленную на достижение определенных целей. Неформальные институты эффективны, поскольку они интернализированы посредством обучения [1997]. Таким образом, для Райзера неформальные институты существуют только в форме интернализированных правил, объективных в том смысле, что они интернализированы всеми акторами в обществе или отдельной сфере деятельности. Это означает, что действия членов определенной части общества (например, бизнеса) становятся рутинными и автоматическими; правила и санкции заранее известны.

Кэй определяет институты следующим образом: это представления, которые разделяют люди в ситуациях повторяющегося взаимодействия; они предписывают определенное поведение в соответствии с требованиями внешних структур (правила) или самих индивидуумов (нормы), или возникают в связи со стратегиями, которые последние реализуют в соответствии с принятыми правилами, нормами и ожиданиями относительно поведения других [Kay2003, с. 3].

Большая часть исследований переходного периода фокусировалась на развитии и роли формальных институтов — банков, партий, судов, образовательных систем, рынков труда и проч., не обращая внимания на роль неформальных институтов, описанную выше.

Для некоторых исследователей зависимость институтов от траектории развития связана с вопросом о противоречии или барьерах, которые прошлое создает на пути будущего развития. Например, П. Штомпка говорит о цивилизационной некомпетентности в постсоциалистических странах, которая мешает становлению «нормальной демократии» и рыночной экономики. По мнению Дарендорфа (1990), переформулирование моделей поведения и нормативных структур представляет собой медленный процесс. С другой стороны, Старк и Брюжт понимают зависимость от траектории развития как возможность достижения чего-то нового, как рекомбинацию лучшего в старом и новом. Это означает, что у постсоциалистических стран нет необходимости копировать западные модели как таковые или сохранять лишь старые формы, у них существует возможность для креативной адаптации.

Теория зависимости от траектории развития...

Однако в рассматриваемой теории акцент делается на роли истории — как прошлое влияет на социальную структуру. Существуют определенные «механизмы входа-выхода», которые воспроизводят прошлое. Рон-Та выделяет два типа таких механизмов — самоукрепляющие механизмы и неконгруэнтные дополнения. Первый тип механизмов присутствует в теории Буравого и Кротова, где различные части трансформационного процесса — монополизация, бартер, контроль над работниками усиливают друг друга; монополии «вскармливают» бартер, благодаря отсутствию эффективного производства и дефициту. Бартер активизирует контроль над работниками, поскольку дефицит делает менеджеров более зависимыми от работников. Второй механизм представлен, например, в теории менеджеризма Зеленьи. В соответствии с ней, международные финансовые институты предпочитают технократических менеджеров, которые могут укрепить свое положение за счет заключения соглашений с политической элитой, которая вынуждена принимать технократов из-за отсутствия частных собственников, по крайней мере, в течение некоторого периода времени.

Критика теории зависимости от траектории развития

Критика данной теории вращается вокруг следующих вопросов:

- теория является «модным ярлыком», который ничего не объясняет;
- теория может сказать что-то о прошлом и настоящем, но она не может сказать ничего о механизмах изменения или будущем развитии;
- нормативные предпосылки теории принимаются как данность и не подвергаются должному анализу;
- понимание природы и роли неформальных институтов в данной теории является непоследовательным.

Рассмотрим каждый из пунктов.

А. Теория зависимости от траектории развития является «модным ярлыком».

Здесь критика сводится к следующим позициям. Во-первых, теория может описывать развитие только после свершившегося факта, и, следовательно, она содержит лишь ретроспективную причинную связь. Поэтому теория не может быть использована для прогноза будущих событий. Во-вторых, этой теории не хватает детальных механизмов, которые могут предоставить необходимые и достаточные условия для процессов, зависящих от траектории развития [Кай 2003, с. 6].

Основная проблема большинства теорий зависимости от траектории развития состоит в уровне универсальности (например, теория Старка является теорией функций социальной системы, подобно теории Т. Парсонса). В некотором смысле их теории противоречат основным принципам теории зависимости от траектории развития, главная идея которой состоит в том, что общие характеристики экономики (будь то рыночная или командная экономика) — недостаточное исходное основание, т. к. существует неограниченное количество сопутствующих факторов, которые могут дать непредусмотренные результаты.

Согласно Д. Норту, начиная от нашего понимания экономики вплоть до возведения нами каких-либо конструктов, введения политических мер по изменению экономических характеристик, существует бесчисленное количество

ситуаций, когда мы можем сделать что-либо неправильно, и делаем это. К примеру, социальные инновации не могут быть импортированы, а также не могут быть созданы с помощью административного ресурса, а, если они все же импортируются, то не обязательно приносят ожидаемые результаты. Распространение социальной инновации является долгим и постепенным процессом. Для введения инновации нужны давление и возможность [North 1999]. Инновация должна преодолеть сопротивление неформальных институтов — или ограничений систем убеждения (в терминологии Норта). Все это создает новое законодательство и другие формы политической поддержки, которые являются предпосылкой для более широкого распространения и принятия инновации.

Б. Теория зависимости от траектории развития дает объяснение стабильности, но не дает объяснение причин или механизмов социального изменения.

В трактовке Кэя, этот пункт критики включает две составляющие: с одной стороны, данная концепция предсказывает стабильность, а с другой, утверждает, что небольшие события могут иметь значительные последствия [Kau 2003, с. 9].

Теория не объясняет социальное изменение, она используется для объяснения институциональных первоисточников, где не существует стабильности, и где небольшие различия могут вызвать разные последствия. Примером этому может служить анализ краха коммунизма в разных странах и его влияния на политическую структуру и политику приватизации. Кэй критикует также тезис об ограничении, основываясь на том, что те траектории развития, которые рассматривает теория, слишком широки — т. е. существует ряд факторов, которые могут влиять на траекторию изменения. И чем больше количество таких потенциально влияющих факторов, тем менее убедительное объяснение может быть предоставлено данной теорией. Кэй также утверждает, что в теории зависимости от траектории развития темпы изменения стабильны, не учитываются резкие разрывы или остановки — меняется только направление изменения. Из-за этого теория теряет динамическую природу, которая приводится в качестве одного из ее преимуществ. Наконец, вполне возможен такой вариант, когда изменения, объясненные с помощью теории зависимости от траектории развития, являются лишь цепью событий, которые мало связаны логически, а представляют собой действия, предпринятые для решения неотложных проблем.

В. Нормативные аспекты не проработаны.

Кэй рассуждает здесь об оценочном аспекте теории, имея в виду, что в теорию встроена предпосылка о «дисфункциональных» или несостоятельных/иррациональных характеристиках в социальной системе или выборе политики. Предположение о неэффективности «заимствовано» из экономики, эта предпосылка мешает альтернативным методам объяснения или исследования изменения траектории развития. Точка зрения Старка и Брюжта сводится к попытке избежать необходимости постулирования тезиса о неэффективности, который, как правило, принимается или устанавливается в экономике и в некоторых политических исследованиях. Однако они используют в своей теории биологические аналогии, говоря об эффективной адаптации. Адаптация, с их точки зрения, пассивна и до некоторой степени случайна, тогда как на самом деле в обществе и даже на предприятиях существуют механизмы обратной связи и взаимосвязи, которые означают, что формы адаптации социально и (интер)активно выстраиваются.

Теория зависимости от траектории развития...

Д. Понимание природы и роли неформальных институтов непоследовательно.

Возможно, основным недостатком теории является ее метод концептуализации неформальных институтов, их природы и роли в постсоциалистическом переходе. Широко распространена точка зрения о том, что в постсоциалистических странах существуют некие ценностные пустоты. Например, Штомпка считает цивилизационную некомпетентность основной угрозой для успешного процесса перехода. Некомпетентность обусловлена ценностями, мотивами и привычками, возникшими в обществах советского типа с авторитарными моделями социетального развития, сохранением традиционных характеристик и препятствованием развитию современной культуры. Создание цивилизационной компетентности, которая содержит такие аспекты как культура предприятия, городская культура, дискурсивная культура и повседневная культура, является предпосылкой развития реального современного общества. С точки зрения Штомпки, культура является сферой, которая отображает, какими должны быть вещи и во что нужно верить. В данном смысле культура создает нормальное состояние, справедливость и власть традиции. Задача по созданию и продвижению цивилизационной компетентности, прежде всего, должна решаться институтами гражданского общества. Вся инфраструктура гражданского общества (как следствие авторитаризма коммунистического режима) разрушена и нуждается в полной реконструкции. Эта задача отведена неправительственным организациям, которые финансируются и подготавливаются западными организациями и институтами [Sztompka 1993].

В принципе, в сказанном выше нет ничего неправильного. Действительно, во многих постсоциалистических обществах существует глубокая аномия и социальная атомизация. В данных обществах существует множество организаций, партий и других неформальных институтов гражданского общества, но их роль, в лучшем случае, маргинальна. Наиболее важные аспекты в современных теориях, изучающих гражданское общество и его роль в постсоциалистических социумах, касаются подхода к традициям, ценностям прошлого, и тому, как все это влияет на действия людей.

Предположение о ценностных пустотах наивно и необоснованно, поскольку ценности, убеждения и моральные нормы людей (даже те, что появились до социализма, например, религия и другие культурные формы) имели влияние на человеческое поведение и образ мышления в эпоху социализма. Эти ценности, убеждения и нормы не исчезли после краха социализма, однако в качестве исторической традиции они стали рационализированными и оказывают влияние как коллективные представления о том, как люди оценивают вещи и действия других людей. Таким образом, новые моральные установки невозможно «импортировать» с помощью административных методов или через «новое гражданское общество». Старый материал трансформируется и изменяется с тем, чтобы соответствовать новым социальным и культурным предпосылкам, однако он не уничтожается полностью. Новые, появившиеся моральные принципы не обязательно сразу же начинают соответствовать ожиданиям и ценностям людей. Другая возможность состоит в том, что старые ценности и моральные принципы перестают соответствовать потребностям общества или становятся несовременными. В данном случае нормы, институты и социальные действия ослабляются посредством национального законодательства.

Организации, которые должны содействовать возрождению новой морали, не соответствуют интересам и нуждам людей. Эти организации в некотором роде были использованы для восполнения пробелов в обеспечении социальными услугами в связи с распадом социальной структуры предшествующего режима.

Выводы

Теория зависимости от траектории развития является важным вкладом в изучение постсоциалистической трансформации, поскольку она ставит под сомнение упрощенные концепции, касающиеся функций общества, экономики и их эффективности. По словам Д. Норты, именно созданные нами конструкты делают зависимость от траектории развития столь важной. *Сюда мы относим: а) политическую структуру, которая определяет тот путь, по которому мы развиваем и агрегируем политические альтернативы; б) структуру прав собственности, которая определяет формальные стимулы в экономике; в) неформальные ограничения норм, правил поведения и внутренних убеждений.*

Основной урок, который дает нам данная теория, состоит в том, что предпосылки успешного перехода и развития различаются по странам и периодам времени — что подчеркивает роль истории, с одной стороны, и роль культуры, с другой. Поэтому не может быть общей теории транзита и трансформации по той причине, что не существует ни типичного постсоциализма, ни типичного капитализма. С другой стороны, это не означает, что не существует возможности для построения теоретических обобщений, но каждый случай (страна) будет представлять собой специфический объект. Следовательно, давая теоретические объяснения, следует учитывать исторические и культурно-специфические характеристики. Приведем еще одну цитату из Норты: «Несомненно, успех городских и сельских предприятий в Китае — форма организации, которая не является ни фирмой, ни кооперативом, и не соответствует нашим представлениям об успешных институциональных организационных структурах — был серьезным напоминанием о том, как много нам еще нужно узнать об этом процессе» [North 1999].

Даже при том, что институционалисты и эволюционные социологи (среди них — сторонники теории зависимости от траектории развития) были гораздо более дальновидны в своем анализе социетальных и культурных факторов, которые играют определяющую роль в процессе перехода, чем экономисты, существуют серьезные недостатки в их анализе гражданского общества и морального порядка, на котором базируется гражданское общество. Как отмечает И. Аланен, один из ключевых вопросов успешного транзита состоит в том, как наилучшим образом использовать культурные традиции и материальные структуры, которые сформировались в ходе истории как до, так и во время социализма. Аланен полагает, что «дарендорфианский» тип политики в переходный период, скорее всего, даст наилучшие результаты. Ключевыми словами в данной политике являются: пошаговая стратегия прогресса, свободное развитие и гражданское общество [Alanen 2004]. Свободное развитие гражданского общества является краеугольным камнем успешного процесса перехода. Развитие

Теория зависимости от траектории развития...

гражданского общества должно быть поддержано экономическими и политическими реформами. Это привело бы к постепенному формированию гражданского общества на основе исторически сложившегося морального и культурного наследия.

Перевод с английского И.М. Иванова

Литература

- Alanen I.* Ristiriitainen Transition (Contradictory Transition) // *Blom R., Nikula. J.* Plussat ja Miinukset — Yhteiskuntatutkimuksen Arviointia (Pluses and Minuses — Evaluations on Social Research). Tampere :Lumikki-kustannus, 2004. (в печ.).
- Eslund A.* How Russia Became a Market Economy. Washington DC: Brookings Institution Press, 1995.
- Eslund A.* Post-Communist Economic Revolutions: How Big the Bang? CSIS/Westview, 1992.
- Burawoy M., Krotov P.* The Economic Basis of Russia's Political Crisis // *New Left Review.* 1993. 198: 49-70.
- Burawoy M.* Transition without Transformation: Russia's Involutionary Road to Capitalism // *East European Politics and Societies.* 2001. 15 (2), pp. 269 — 290.
- Eyal G., Szelenyi I., Townsley E.* Making Capitalism Without Capitalists. Class Formation and Elite Struggles in Post-Communist Central Europe. London: Verso, 1998.
- Kay A.* Path Dependency and System Memory // Paper to Policy and Politics Conference «Policy and Politics in a Globalising World». Bristol, England 24—26 July, 2003.
- North D.* Understanding Economic Change. 1999. www.nap.edu/readingroom/books/transform/sec-1.htm
- Rona-Tas A.* Path-Dependence and Capital Theory: Sociology of the Post-Communist Economic Transformation. 2002. www.hi.rutgers.edu/szelenyi60/rona-tas.html
- Sachs J.* Poland's Jump to the Market Economy. Cambridge: MIT Press, 1993.
- Stark O., Bruszt L.* Postsocialist Pathways. Transforming Politics and Property in East Central Europe. N.Y.: Cambridge University Press, 1998.
- Sztompka P.* Civilizational Incompetence: The Trap of Post-Communist Societies // *Zeitschrift für Soziologie.* 1993.22,2.